

Елена Глушенко

История Жанны

Елена Глушенко

История Жанны

«Автор»

2008

Глушенко Е. В.

История Жанны / Е. В. Глушенко — «Автор», 2008

«— Я богат, у меня есть владения в Австрии, Испании и Италии. Выбирайте, где бы Вам хотелось жить. А может, Вы предпочитаете кругосветное путешествие? Вы не были в Индии? Я смотрела на него во все глаза и не верила своим ушам.— Погодите-погодите, я, наверно, чего-то не понимаю. Вы, что же, делаете мне предложение? Он поднял брови и смешно наморщил нос.— Вы так это называете? А почему бы и нет, в конце концов? Полагаю, маркиз одобрил бы наш союз. У меня кругом шла голова.— Но ведь Вы меня совсем не любите!— А какое это имеет значение? Вы мне нравитесь, да и я Вам не безразличен. Не правда ли? Надеюсь, в лунном свете не было заметно, как я покраснела.»

© Глушенко Е. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть 1. Бретань	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Глушенко

История Жанны

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1. Бретань

Глава 1

1782 год

– Жанна! Жа-а-а-нна-а-а! Жеро-о-о-ом! Где вы? – слышалось совсем близко.

Это Матильда, наша кухарка и моя кормилица. На нее можно не обращать внимания и еще немножко поиграть.

– Замрите! – скомандовала я. – Мы в засаде, и враг не должен нас обнаружить.

Все мгновенно подчинились приказу, и только Робер из вредности еще немного повозился в траве.

На полянку перед нашим укрытием вышла Матильда и, тяжело отдуваясь, встала буквально в одном шаге от того места, где в кустах затаился мой отряд. Можно было протянуть руку и схватить ее за толстую ногу в полосатом чулке. По смеющимся глазам Жерома я поняла, что именно это он и собирается сделать. Но, во-первых, с его матерью может прямо тут же случиться удар, а во-вторых, тогда нас точно обнаружат, и на этом все игры закончатся.

– Жанна, Жером! Немедленно вылезайте! Пьер и Катрин, к вам это тоже относится!

А вот это Гастон. И это уже серьезно. Рядом с ногами в полосатых чулках появились еще две. Носки старых стоптанных башмаков устали прямо на меня. Придется уступить превосходящим силам противника.

Первой сквозь кусты полезла я – командир всегда должен быть впереди. Следом за мной, с треском ломая ветки, стал продираться Жером, мой молочный брат. Он старше меня всего на месяц, но больше в два раза и шуму производит просто ужас как много. Затем наружу выбрались Пьер и Катрин.

– Это все?

Пауза.

Снова треск ломающихся веток, и последним из кустов вылез Робер.

– Значит, так. Жанна – немедленно в замок. Господин барон заждались. Остальные по домам ма-арш!

Гастон командовал на нашей конюшне и полагал, что может командовать и мной. Как же! Последнее слово всегда за командиром, и я обернулась к своему войску:

– Завтра в шесть, как договорились. Пьер, не забудь шпаги!

– Святые угодники! – Матильда уже отряхивала меня от листьев и грязи. – Девочка моя, ну что за вид! Господин маркиз приехали, а ты чернее ночи, да еще и в панталонах! Страшно подумать, что скажут господин маркиз, когда такое увидят! Да и господин барон как расстроятся!

Крестный приехал! Наконец-то!

Больше всех на свете – после папы, конечно – я любила своего крестного. Маркиз де Ла Руэри был самым храбрым, самым сильным, и он воевал в Америке под командованием самого генерала де Ла Файетта! Я обожала крестного. А уж его рассказы о военных приключениях могла слушать бесконечно!

Отпихнув кормилицу, я помчалась домой. Первым отстал сильно хромающий Гастон, за ним толстая задыхающаяся Матильда. Дольше всех за мной держался Жером, но и он отстал от меня уже на первой минуте. Я летела, как на крыльях, напрямик через лес, срезая повороты, перепрыгивая через пни и уворачиваясь от торчащих веток.

Оставалось миновать розовую аллею, гордость папы. Я уже видела карету маркиза во дворе замка. В этот момент из-за маленькой беседки, скрытой в розовых кустах, мне наперерез двинулось нечто. Я споткнулась и на всем лету врезалась во что-то твердое.

– Нахальный щенок!

Железная рука схватила меня за шиворот и отшвырнула в сторону. Я отлетела к беседке, сильно ударилась плечом и завопила от боли.

– Дурак чертов! Штабная крыса! – это было одно из самых крепких ругательств, которым я научилась у Гастона.

– Что?!! – взревел незнакомый светловолосый мужчина, поправлявший кружевные манжеты, и двинулся ко мне с угрожающим видом.

– Умоляю, Филипп! Оставьте бедного мальчика в покое! – дама в сиреновом платье повисла на руке у мужчины. Забыв про боль в плече, я уставилась на нее во все глаза. В жизни не видела такого декольте! Казалось, еще немного и ее грудь вот-вот вывалится наружу!

– Вы же не будете драться с ребенком?

Чтоб ты провалилась! Ребенок?! Я не ребенок! Мне уже одиннадцать и скоро будет двенадцать! От злости я потеряла дар речи.

– В другой раз смотри, куда несешься, щенок. Иначе голову оторву.

Устранив, наконец, беспорядок в своем наряде, вызванный нашим столкновением, незнакомец закончил отряхиваться и повел свою даму вглубь парка, не удостоив меня на прощание даже взглядом. А я так и осталась сидеть на земле, привалившись к беседке, словно куль с мукой.

* * *

Влетев в библиотеку, я с разбега кинулась на шею крестному, сидевшему в глубоком кресле с сигарой в руке.

– Бог мой! Кто это? – маркиз чуть не выронил сигару и, смеясь, свободной рукой обнял меня. – Неужели этот чумазый чертенок и есть моя хорошенькая крестница?

– Жанна, что за манеры! – отец укоризненно посмотрел на меня и покачал головой. – Простите, друг мой, она совсем отбилась от рук.

– Крестный, ты же к нам надолго? Правда? Мне так много надо тебе рассказать! И еще спросить. Вот смотри: когда организуешь засаду... Ну, скажем, в лесу...

– Даже и не знаю, стоит ли приглашать особу с такими манерами в Троншуа... – маркиз нахмурил брови и в задумчивости поджал губы.

– ...А у тебя в отряде всего...

Я чуть не задохнулась.

– Троншуа?! Твой замок?!! О крестный, ты не можешь так поступить со мной! Ты же обещал показать мне свою коллекцию оружия! И картины! И книги! Папа! – я бросила на отца умоляющий взгляд. – Ну, скажи же ему, что мне уже можно на асс... ассамблею! Я уже взрослая!

– Вот и води себя соответственно! Немедленно умойся и прими, наконец, подобающий вид. А уж потом крестный решит, стоит ли пускать тебя в приличное общество. Не хватало еще краснеть за тебя перед сотней гостей.

Я сползла с колен маркиза на пол и сделала самый изысканный реверанс, на какой только была способна. А потом степенно вышла из библиотеки, закрыла дверь и тут же приложила ухо к замочной скважине. За дверью послышался смех. Маркиз что-то спросил, отец что-то ответил, и оба снова засмеялись. Я успокоилась и помчалась в свою комнату.

* * *

Через час я подошла к большой гостиной и замерла в дверях.

В зале ходили, сидели, разговаривали, смеялись и пили кофе разряженные дамы и кавалеры. Маркиз часто бывал у нас проездом в свое имение, но никогда не привозил с собой столько друзей. Такое многочисленное общество собралось у нас впервые. Я потихоньку пробралась за портьеру и принялась разглядывать присутствующих.

Две дамы возлежали на софе и обмахивались веерами. Обнаженные плечи, яркие перья, сверкающие драгоценности... Вот это да! Райские птицы, да и только. Рядом с ними стояли три кавалера. Все с увлечением что-то обсуждали и непрерывно смеялись.

За пианино сидела дама, которая днем заступилась за «бедного мальчика», и тоненьким голосочком пела. Она сменила свое сиреневое платье на розовое и – в это трудно поверить! – выглядела еще более голой.

Возле нее стоял мой обидчик в серебристом камзоле с роскошными кружевами и переворачивал ноты. Вид у него был скучающий. Похоже, томные взгляды, которые бросала на него певица, оставляли его равнодушным. При тщательном рассмотрении он оказался значительно моложе и крестного, и моего отца. И гораздо красивее, если честно. Вот он снова протянул унизанную перстнями руку, чтобы перевернуть ноты, и я невольно поежилась, вспомнив, как эта рука отшвырнула меня недавно.

Портьера заколыхалась, и это привлекло внимание отца, беседующего с крестным возле камина в дальнем углу гостиной. Папа поманил меня к себе, и я, вздохнув, выбралась из своего укрытия.

– Ну, вот, наконец-то я вижу свою крестницу – милую девочку, а не чумазого сорванца, – ласково улыбнулся мне маркиз, когда я, скромно потупившись, подошла и сделала реверанс.

Крестный выглядел потрясаяще. Черный бархатный камзол подчеркивал бледность его лица и придавал ему величественный вид. Драгоценностей он не носил, единственным украшением была великолепная шпага с эфесом роскошной чеканки и круглым рубином на самом конце противовеса.

– Крестный, можно мне ее поддержать?

Маркиз колебался, но все же вынул шпагу из ножен и протянул мне. Я благоговейно взяла в руки грозное оружие. Конечно, у отца были шпаги, и отличные, но такой красоты я еще не видела.

– Вот бы попробовать ее в деле!

Возвращая шпагу маркизу, я поймала взгляды, которыми обменялись крестный и отец. Крестный выразительно поднял брови, а папа пожал плечами.

– Ну да, я учу ее фехтовать. А чему еще я могу ее обучать, кроме истории и математики? Возможно, если б жена была жива, мы бы больше внимания уделяли музыке и танцам. Увы, друг мой! Зато Жанна, как все д'Аранкуры, прекрасно держится в седле. Да и с языками у нас все в порядке. По крайней мере, с английским и латынью. Правда, милая?

Отец очень редко меня хвалил и уж тем более никогда не делал этого при людях. Так что неудивительно, что я покраснела от удовольствия.

– Да уж, – отозвался маркиз, – разностороннее образование, что и говорить. Но все же, полагаю, моя покойная кузина хотела бы видеть свою дочь несколько более... женственной, что ли... и к тому же...

И маркиз закружил в воздухе рукой, подбирая нужные слова.

– Друг мой, – не дал договорить ему отец. – Я полностью согласен с Вами и нахожу Ваши упреки совершенно справедливыми, но напомните мне, пожалуйста, о чем Вы рассказывали Жанне в Ваш последний приезд?

Маркиз поджал губы.

– Крестный, ты забыл? – я укоризненно покачала головой. – Папа, мы обсуждали военную кампанию 77-го года, и как тогда Вашингтон в сражении с армией Хоу удержал свои позиции в долине Форж.

* * *

Примерно через час маркиз и его друзья уехали.

Пышная кавалькада давно скрылась из виду, а мы с отцом все стояли у парадного входа. Папа обнимал меня за плечи и о чем-то размышлял. Я, наконец, осмелилась спросить, кто же был тот высокомерный незнакомец в серебристом камзоле. Отец ответил, что это дальний родственник маркиза со стороны жены, виконт де Шатоден.

Помолчав еще немного, отец сказал, что маркиз прав, пора всерьез заняться моим воспитанием. Хватит сломя голову скакать верхом по округе, лазать по деревьям и копать подземные ходы. Я уже достаточно взрослая и должна знать, как вести себя, особенно если не хочу опозорить себя и отца на ассамблее через неделю.

Я не знала, что такое «ассамблея», но прекрасно поняла, что, если хочу попасть в Троншуа, мне придется целую неделю вести себя примерно.

* * *

И всю неделю я старалась, как могла.

А именно: не встречалась с друзьями (кроме Жерома, конечно; он жил в замке вместе с матерью), не лазала по деревьям, не ловила рыбу и не затевала морских сражений. Надевала только платья, занималась хозяйством (раскладывала постельное белье и помогала Матильде чистить серебро) и если и выезжала верхом, то только под присмотром Гастона и всего на часок – чтобы Пончика размять.

Пончик – это мой пони. Папа подарил мне его на день рождения три года назад. Я, как только увидела это чудо, такое рыжее, круглое и лоснящееся, сразу подумала про пончики, что жарит Матильда. Это был лучший подарок в моей жизни!

Правда, прошлым летом я чуть не сломала себе шею, пытаясь верхом взять препятствие. До этого мы с Пончиком ни разу не прыгали, но я уже достаточно уверенно держалась в седле и не видела никакой опасности в старом поваленном дубе на опушке леса.

К сожалению, у Пончика на этот счет было свое мнение. Резво подскакав к дереву, он внезапно встал как вкопанный, и я, не удержавшись в седле, кубарем полетела на землю. Кажется, я даже сознание тогда потеряла ненадолго. Помню белое-пребелое лицо Гастона, склонившегося надо мной.

Гастон сначала разрыдался от облегчения, когда понял, что я не только жива, но даже ничего себе не сломала. А потом он меня отлупил. Больно.

И это был наш с ним секрет, потому что я не сказала папе, что Гастон за мной не усмотрел (хотя как он мог?). И не призналась, что он отшлепал дочь хозяина. С одной стороны, я понимала, что старому слуге влетит из-за меня, а с другой – боялась, что отец запретит мне садиться в седло.

В общем, с этого момента я стала осмотрительней ездить верхом.

А через поваленный дуб мы с Пончиком все-таки перепрыгнули. Этим летом.

Глава 2

К концу недели примерного поведения я просто озверела от скуки и всерьез подумывала, а стоит ли коллекция оружия, пусть и старинного, таких мучений.

К счастью, наконец, наступило воскресенье, и мы с отцом поехали к крестному в Троншуа. Поместье маркиза находилось неподалеку от Фужера, на окраине Фужерского леса. Возле Меридора лес тоже достаточно густой, прятаться есть где, но вокруг Троншуа были настоящие чащи.

Летняя резиденция маркиза покорила меня с первого взгляда: огромный внутренний двор со всех сторон закрывали четыре крыла здания, образующие почти правильный квадрат; по углам высились четыре сторожевые башни с узкими бойницами; мощные серые стены, потемневшие от времени и непогоды, выглядели совершенно неприступными. Короче говоря, это была настоящая крепость.

Конечно, отец мне рассказывал про замок Троншуа, и я готовилась увидеть нечто потрясающее. Но увиденное превзошло все ожидания! И как же прикажете все это изучить за один день?

* * *

Я так и не узнала, что такое ассамблея, и зачем, собственно, мы приезжали. Потому что, едва поздоровавшись с крестным и маркизой, я помчалась исследовать замок. Кажется, отец прокричал что-то мне вслед, но я уже неслась по парадной лестнице на второй этаж, а потом по коридору направо, а потом опять вверх и еще раз направо, а затем...

В общем, я постаралась заглянуть во все двери и обойти все помещения. Конечно же, мне это не удалось – это было просто невозможно! Ведь там была, наверно, тысяча комнат, и одна интересней другой. Я поднималась и спускалась по крутым лестницам, переходила из одного крыла в другой по темным галереям, заходила и в маленькие каморки, и в огромные залы, стараясь никому не попадаться на глаза и ощущая себя первооткрывателем.

Я надолго застряла в рыцарском зале. Не знаю, как он назывался на самом деле, но там было полно огромных мрачных фигур в старинных доспехах. Мне казалось, что они следят за мной сквозь щели в забралах своих шлемах.

На стенах висели мечи, шпаги, кинжалы, арбалеты, копья, алебарды и еще много всего такого, чему я и названия-то не знала. Мне захотелось потрогать один меч, очень простой, совсем без украшений, но от того еще более грозный. Но я даже не смогла дотянуться до него. Придется подрасти.

Не знаю, сколько я бродила по замку. За окнами уже начинало темнеть, когда я добралась до картинной галереи. Стены длинного узкого коридора были сплошь увешаны картинами. В сумеречном свете краски на них казались приглушенными, а контуры размытыми. Здесь были не только портреты, но и натюрморты, и пейзажи. И еще полотна, изображавшие библейские сюжеты и сценки из деревенской жизни.

Я как зачарованная переходила от картины к картине, рассматривая одежду и украшения прошедших времен, вглядываясь в лица мужчин и женщин. Было так странно смотреть на них, видеть их живые улыбающиеся лица и сознавать, что на самом деле их давно уже нет.

Дойдя до конца галереи, я попыталась открыть дверь, ведущую в другую залу, но она оказалась запертой. Тогда я повернула назад и пошла в обратном направлении, снова и снова подолгу задерживаясь у каждой картины. Как жаль, что я плохо рисую!

Здесь было так торжественно и так тихо, что женский смех и оживленные голоса, прозвучавшие в том конце галереи, откуда я пришла и куда снова направлялась, резанули мне слух. Я вздрогнула и инстинктивно вжалась за невысокую круглую колонну со стоявшей на ней вазой.

Ну конечно! Кто же еще это мог быть, как не мой мучитель! Только на этот раз с другой дамой. Дама взвизгивала и отбивалась от него сложенным веером, а он, не обращая на это особого внимания, методично подталкивал свою спутницу к низкому диванчику возле стены.

Вот они добрались, наконец, до диванчика и устроились на нем. Уже почти стемнело, и я не могла разобрать, что же там происходит. Слышалась какая-то возня, приглушенные вздохи и бормотание.

Дурацкое положение! И выбраться ведь нет никакой возможности, так как пришлось бы продвигаться мимо этой парочки.

Не представляю, сколько бы я так простояла, если бы внезапно у меня не зашипало в носу. Так иногда бывает: вдруг, ни с того, ни с сего, словно налетит что-то, и так зашиплет в носу, что хочешь – не хочешь, а чихнешь. Ну, вот я и чихнула. Дважды.

Думаю, если бы в галерее раздался взрыв, вряд ли это произвело бы большой эффект. Дама завизжала, и кто-то упал на пол. А может, это они оба упали.

Отборная ругань, раздавшая вслед за этим, впечатлила бы даже Гастона. К сожалению, я плохо запомнила, что именно сказал виконт, так как в этот момент из последних сил пыталась удержать вазу, закачавшуюся на колонне.

Мне бы надо было бежать, но я не могла разбить вазу, похожую на китайскую и, по всей видимости, очень ценную. Так что вазу я спасла. Но момент для бегства был упущен.

Дама все еще причитала, но виконт уже потерял к ней интерес и переключился на новую жертву.

– Так-так-та-а-ак... И что же это за крыса скребется там в углу?

Очень быстро и практически бесшумно он направился в мою сторону, на ходу доставая что-то похожее на кинжал. Господи, он еще и с оружием! Я стояла, как парализованная, и не могла пошевелиться.

– Выходи, мерзавец! Выходи сам, пока я из тебя душу не вынул.

Он даже голос не повысил, и от этого было еще страшнее. А ведь это чудовище и впрямь может в темноте пырнуть меня в живот! Лучше сдаться добровольно. И я шагнула вперед.

– Боже милосердный, что это?

И снова эта тяжелая рука схватила меня за шиворот. Только на этот раз не отшвырнула в сторону, а наоборот – подтащила к себе.

Совсем стемнело. Чтобы разглядеть свою добычу в призрачном лунном свете, он низко наклонился ко мне. Я увидела его глаза, сначала сощурившиеся, чтобы лучше меня рассмотреть, а потом расширившиеся от изумления. А затем он расхохотался и потащил меня к выходу.

– Генриетта, радость моя, я поймал шпиона!

Дама, к этому моменту совсем успокоившаяся, раскрыла веер и начала усиленно им обмахиваться.

– Я желаю рассмотреть это, – изрекла она и выплыла из галереи.

Однако ЭТО не желало, чтобы его рассматривали. Поэтому я не то чтобы упиралась, но слегка подволакивала ноги. Впрочем, все было бесполезно.

Миновав несколько поворотов, мы вышли в ярко освещенный коридор и остановились у лестницы, ведущей вниз. Виконт поставил меня перед собой, не убирая руки с моего воротника, и мы уставились друг на друга. Его светлые глаза так и впились в меня.

Я видела, что мое лицо ему знакомо, только он никак не может вспомнить, где его видел. Да и как узнать чумазого мальчишку в хорошенькой девочке в нарядном платье да еще с бантом в волосах!

– Интересно, чей это уродец, – прошипела дама, обмахиваясь веером. – И любопытно, что именно она видела.

Смысл сказанного не сразу дошел до меня. А когда дошел, то у меня от ярости потемнело в глазах. А виконт снова расхохотался.

– Генриетта, душа моя, неужели ты боишься эту замухрышку?

Я переводила взгляд с одного на другого и никак не могла решить, кого из них больше ненавижу. Так и не определившись, я извернулась и вцепилась зубами в удерживавшую меня руку. Виконт завопил от боли и выпустил мой воротник.

Я и так быстро бегаю, но тут просто скатилась по лестнице и остановилась только в самом низу. А эти двое остались стоять наверху с разинутыми ртами. И выглядели просто по-идиотски!

– Было темно, и я мало что видела. Но зато я могу передать маркизу все, что слышала.

И для убедительности я сначала постонала, потом повздыхала, а потом пошуршала юбкой.

Дама вскрикнула и уронила веер. Виконт дернулся было к лестнице. А я рванула за угол и понеслась прочь, меняя направление и петляя как заяц.

* * *

Окончательно запутав следы, я добралась до третьего этажа в северном крыле замка и попала в библиотеку.

Множество свечей освещали огромную комнату. Вдоль стен стояли высокие, под потолок, шкафы, в которых хранились сотни, а может и тысячи книг: старые и новые, толстые и тонкие, в простых кожаных переплетах и богато украшенные золотым тиснением.

Я пошла вдоль полок, вслух читая названия книг и имена авторов.

– Дидро. Руссо. Вольтер. Морелли. Гольбах. Гель... Гельве... – я прижала нос к стеклянной дверце, чтобы лучше разглядеть непонятное слово.

– Гельвеций.

Обернувшись на звук голоса, я увидела в глубине комнаты незнакомого мальчика. Он сидел в глубоком кожаном кресле с книгой на коленях и грыз яблоко.

У меня сразу заурчало в животе, и я тут же вспомнила, что ничего не ела с самого утра.

– Хочешь пирожное? Или яблоко? Или грушу?

Возле его кресла на низеньком столике стояла ваза с фруктами, тарелка с пирожными и пузатый графин с каким-то напитком, скорее всего с лимонадом. Ноги сами понесли меня к этому изобилию.

Я выбрала грушу покрупнее и забралась с ногами в соседнее кресло. Он закрыл книгу.

– Как тебя зовут? – карие глаза смотрели на меня спокойно и дружелюбно.

– Жанна. А тебя?

– Франсуа-Рене. Но можно просто Франсуа. Ты здесь в гостях?

– Да. Мы с отцом приехали на ассамблею. Точнее, это он приехал на ассамблею, а я просто хотела увидеть оружие и картины.

Франсуа с улыбкой слушал меня. Худенький и бледный, он был немногим старше меня. От силы года на два.

– А что ты читаешь?

– Это Монтескье. Был такой философ. Ты не читала его труды?

Я смутилась. Читать я, конечно, люблю, но все больше описания военных кампаний или про животных.

– Еще нет. Но обязательно прочитаю. В нашей библиотеке я видела такого автора.

– А где ты живешь?

– В Меридоре.

– Меридор? Меридор... Это который на побережье? Возле Сен-Мало? Тогда я про тебя слышал. Ты дочь барона д'Аранкура. И ты чуть не спалила церковь на прошлое Рождество!

Я вспыхнула.

– Неправда! Отец Жильбер сам разрешил нам с Жеромом зажечь свечи! И кто же знал...

– Да ладно, успокойся! Я не хотел тебя обидеть. А кто такой Жером?

Я доела грушу и взяла следующую.

– Это мой молочный брат. Он родился на месяц раньше меня, и его мать выкормила нас обоих. Он мой лучший друг.

– Лучший друг? А у тебя есть еще друзья?

– Конечно! Что за вопрос! Пьер, Катрин. Еще Робер. Правда, он живет в Сен-Мало и приезжает только на лето, к бабушке. Ну, и еще другие ребята из деревни. Андре, Поль...

– И тебе разрешают с ними дружить?

– А кто бы это, интересно, мог мне запретить?

Теперь покраснел Франсуа.

– Ну, твой отец, например...

– Да зачем ему это?

Он насупился и замолчал. Я пододвинула к себе тарелку с пирожными и взяла одно.

– Слушай, ты задаешь такие странные вопросы. А у тебя разве нет друзей?

Франсуа медленно покачал головой, глядя на меня серьезно и печально.

– Где же ты живешь? В клетке, что ли?

Он усмехнулся.

– Почти. В Комбурге.

– В Комбурге? Это не так уж и далеко от нас.

Комбург... Комбург... Знакомое название. Что-то я про него такое слышала...

– Когда крестный рассказывал мне про войну за польское наследство, он упоминал храброго юношу, который в пятнадцать лет нанялся на военный корабль и принял участие в битве под Данцигом. Кажется, его звали Комбург...

– Мой отец – Рене-Огюст де Шатобриан, граф Комбургский, – в его тоне, когда он произносил эти слова, явственно слышалась гордость. Но там было и что-то еще.

– И что же, твой отец запрещает тебе иметь друзей?

Франсуа выбрался из кресла и пошел к шкафу поставить книгу. Вернувшись, он налил себе и мне лимонад и взял предпоследнее пирожное. Ужас какой, я съела почти целую тарелку! Что бы сказал папа!

– Понимаешь, мы живем очень уединенно и почти не общаемся с соседями. Конечно, к нам приезжают гости. Иногда. Но в основном... Правда, у меня есть старший брат и две сестры. Но я с ними... Интересно, почему я тебе все это рассказываю?

– Ну, если больше некому, то почему бы и не мне? А может, я тебе просто нравлюсь? – спросила я с надеждой.

Нет, все же это слишком нахально даже для меня! Я подавилась пирожным и закашлялась. Франсуа рассмеялся и, перевесившись через подлокотник своего кресла, похлопал меня по спине.

– Выпей лимонаду. Поможет. А ты мне действительно нравишься. Расскажи мне еще что-нибудь. Ну, например, в какие игры вы с друзьями обычно играете?

– В войну, конечно! Отец Пьера и Катрин – наш деревенский кузнец. И он нам делает оружие. Почти как настоящее! У нас есть и мечи, и шпаги. Я учу всех фехтовать.

– Ты? Фехтовать?! – он снова рассмеялся, но я уже не обижалась на него.

– Да. Папа научил меня. И Гастон показал пару приемчиков. Он был ординарцем дяди Симона и прошел с ним почти всю Семилетнюю войну. Еще мы сидим в засаде и захватываем

вражеские обозы с провиантом. Когда море спокойное, мы разыгрываем морские сражения. А на прошлой неделе мы играли в осаду Эннебона. Я была Жанна Фландрская, а Жером был Карл де Блуа. Ну, тот, который сначала захватил Нант, а потом в Париже в одной из башен Лувра заточил Жана де Монфора, третьего герцога Бретонского.

– Ты была Пламенной Жанной?

– Ну, конечно! А кто же еще? Я выдержала осаду и сделала несколько удачных рейдов против Карла де Блуа.

Франсуа поудобнее устроился в кресле и с улыбкой слушал меня, подперев голову рукой. Улыбка у него была добрая и совсем не высокомерная. Не то, что у некоторых.

Я чувствовала себя с ним легко и свободно, как будто мы были давно знакомы, и рассказывала ему о своих друзьях, о Меридоре и его обитателях.

Похоже, у меня появился новый друг.

* * *

Уже начинало светать, когда в библиотеку вошел отец.

– Жанна, вот ты где! Слуги сбились с ног, разыскивая тебя. Мне следовало сразу сказать им, что ты можешь быть или в картинной галерее, или в библиотеке, или в рыцарском зале.

При упоминании о картинной галерее я слегка помрачнела. Но тут в кресле зашевелился Франсуа. Он встал и поклонился.

– Папа, познакомься! Это Франсуа-Рене де Шатобриан, мой новый друг. Франсуа, это мой отец, барон д'Аранкур.

– Я знаком с Вашим отцом, молодой человек. Буду рад знакомству и с Вами.

Отец улыбнулся, и они пожали друг другу руки.

– К сожалению, нам пора.

– Папа, а мы разве не останемся здесь еще на денек?

– Нет, Жанна. Мы решили все вопросы, ради которых собирались. И я не вижу причин, чтобы задерживаться в Троншуа. К тому же, я не очень хорошо себя чувствую и предпочел бы поскорее оказаться в своей постели. Так что попрощайся, мы уезжаем.

Отец был бледен и вправду выглядел неважно. Я вздохнула и сделала реверанс.

– До свидания, Франсуа. Было приятно познакомиться. Приезжай к нам в Меридор. Мы будем рады. И я покажу тебе отличное место для засады!

Франсуа поклонился и улыбнулся мне на прощание.

* * *

Из бальной залы доносилась музыка. Видимо, гости еще танцевали. Мы прощались с хозяевами в парадной гостиной. Вокруг нас прохаживались нарядные пары. Сновали слуги, разнося мороженное и прохладительные напитки.

– Ну что, Жанна? Как тебе бал? Понравился? – маркиз был серьезен, но глаза его смеялись.

Я замялась. Ну, как бы ему объяснить, что танцы меня совсем не интересуют, да и танцевать я попросту не умею.

– Дело в том, что как раз тогда, когда я уже почти собралась пойти потанцевать, я зашла в картинную галерею...

Совсем близко кто-то закашлялся. Я повернула голову и увидела виконта под руку с дамой. Другой дамой. Не Генриеттой. Бедняга подавился лимонадом.

Вот он, момент триумфа!

Я взяла маркиза за руку и прижалась к его боку.

– Понимаешь, крестный... – при этих словах виконт почти задохнулся, и дама принялась обмахивать его своим веером. – Галерея оказалась такой большой, а в ней – столько всего интересного, что я потратила очень много времени, пока все разглядела.

– И что же? Было ли там что-то, что понравилась тебе больше остального?

Виконт смотрел на меня, не мигая, и я храбро выдержала этот взгляд, упиваясь ощущением полнейшей безнаказанности.

– Да, крестный, – я выдержала маленькую паузу и отвернулась, наконец, от виконта. – Больше всего мне понравилась картина, на которой король Генрих IV вручает Вашему предку маркизу де Ла Руэри награду за доблесть. Теперь я знаю, откуда у Вас эта замечательная шпага!

* * *

Мы вернулись в Меридор.

Всю дорогу домой я была так молчалива, что папа забеспокоился. А я просто вспоминала события прошедшего дня. И великолепный замок. И моего нового друга. И моего нового врага.

Я вспоминала светлые глаза, оказавшиеся так близко и изучавшие меня с холодным любопытством, как какое-нибудь насекомое.

Он назвал меня замухрышкой. Неужели это правда? Странное дело, «уродец» – эпитет, которым наградила меня тупая Генриетта, – был совсем не так обиден, как его «замухрышка».

– Папа, скажи, я вправду замухрышка?

Отец заморгал часто-часто и с недоумением воззрился на меня.

– Как тебе такое могло придти в голову? С чего ты взяла?

Я молчала, начиная краснеть.

– Та-а-ак... Похоже, кто-то тебя обидел. И кто же этот негодяй? Уж не твой ли новый приятель?

– Франсуа? Да ты что! Нет, конечно! Это не он, – тут я запнулась. Отец продолжал внимательно смотреть на меня. – Ну, в общем... Понимаешь... Короче говоря...

Я окончательно смутилась и почувствовала, что на глазах выступили слезы.

Отец обнял меня и прижал к себе.

– Девочка моя, однажды ты проснешься, подойдешь к зеркалу и увидишь в нем красавицу. Таковую же, какой была твоя мать. А она была потрясающе красива, уж мне-то ты можешь поверить! Правда, до этого пока далеко. Сейчас ты еще мала и слишком худа. Не думаю, что Матильда тебя плохо кормит. Скорей всего, ты просто слишком усердно носишься по горам и лесам. Так что успокойся, вытри свои слезы и улыбнись. У тебя еще все впереди!

Удивительно, как папа умеет меня утешить! Я высморкалась в его платок и сразу почувствовала себя лучше.

Глава 3

– Жанна! Жанна! Ласточка жеребится!

Все мои печали разом были забыты, и я выпрыгнула из кареты.

Ласточка – это папина испанская кобыла, красавица, хоть и ужасно вредная. За последнюю неделю живот у нее раздулся до таких размеров, что Гастон всерьез опасался за ее жизнь.

Я подхватила юбки и рванула на конюшню. Жером еле поспевал за мной.

– Жанна, может, хотя бы переоденешься?

Папа махнул рукой и направился следом за нами.

Я влетела в конюшню и помчалась к Ласточкиному стойлу. Она лежала на боку и шумно дышала. Живот у нее опал, хотя и не слишком сильно.

– Гастон, что с ней? И где жеребенок?

– Да жива она, жива, хоть и намучилась изрядно. А детеныш – вот он.

Гастон отодвинулся, и я увидела маленькое создание, черное и без единой отметины. Он стоял на тоненьких трясущихся ножках и выглядел совершенно беспомощным.

– Какой хорошенький!

Я упала перед ним на колени и обняла его за шею. Жеребенок доверчиво прижался ко мне, и сердце мое растаяло.

– Господь всемогущий! Он что, слепой?

Отец наклонился, разглядывая Ласточкиного сына. Я отодвинула от себя голову жеребенка и посмотрела на его глаза. Они были затянуты тонкой белесой пленкой. Сердце мое сжалось.

– Н-да... И что теперь делать? Не знаю, нужен ли нам слепой конь...

– Папа, не говори так, пожалуйста! Он поправится! Я уверена! Я сама буду за ним ухаживать!

Отец молчал и задумчиво глядел на жеребенка, а я разрыдалась и прижала к себе свое сокровище.

– Ладно, поживем – увидим.

Папа перешел к Ласточке и заговорил с Гастоном о ее состоянии. А я обнимала малыша и обещала ему, что все будет хорошо. Он тепло дышал мне в ухо, помаргивая невидящими глазами.

* * *

Ласточка поправилась, но наотрез отказалась кормить свое дитя и даже не подпускала его к себе. Поэтому Матильда наполняла молоком бутылочку, и я кормила Малыша несколько раз в день.

Он быстро окреп, и скоро стало ясно, что, хоть он и слеп, со слухом у него все в порядке. Малыш научился узнавать меня по шагам и радостно приветствовал. Скоро он уже ходил за мной по пятам, как привязанный.

Мне так хотелось, чтобы он прозрел! Матильда готовила какую-то целебную мазь, жутко вонявшую, и я мазала ею Малышу глаза. Ему не нравилось, но он терпел.

И однажды это произошло! Как-то утром я пришла на конюшню, а пленки на его глазах не было! Счастью моему не было предела, а Матильда страшно возгордилась. Слухи о ее целительских способностях быстро разлетелись по нашей округе.

Скоро Малыш научился отзываться на свист и стал сопровождать меня на верховых прогулках. Пончик ревновал, но сохранял нейтралитет. А Жером посмеивался и называл Малыша моим спаниелем.

* * *

Это было счастливое лето.

Каждый день был заполнен до краев чистой радостью. Мы с ребятами ловили рыбу, собирали устриц, устраивали морские сражения. А еще были поиски сокровищ и схватки с разбойниками. И скачки, и уроки фехтования, и стремительно подрастающий Малыш.

И только иногда, по ночам, уже засыпая, я вспоминала светлые глаза, разглядывающие меня с холодным любопытством. «Замухрышка!» – снова слышала голос и издевательский смех.

А потом представляла, что я уже выросла и я – красавица, как мама. И вот я его спасаю. Например, тонущего. Или от разбойников. И он хочет узнать имя своего спасителя. Тут я снимаю шляпу, и мои роскошные волосы волной падают мне за спину. Он пристально вглядывается в меня, и тут его светлые глаза расширяются от изумления. Он узнает меня! Начинает произносить слова благодарности. Но я небрежным жестом останавливаю его и с насмешливой улыбкой отворачиваюсь. Плащ взмывает и опадает за моей спиной. Он еще что-то говорит мне вслед, пытается остановить, но я не слушаю. Я уйду. Мне все равно.

* * *

В начале августа к нам в Меридор приехали граф Комбургский с сыном. Пока граф и отец обсуждали свои дела в библиотеке, я показывала Франсуа окрестности.

Ему у нас понравилось. Да и как здесь могло не понравиться!

Я особенно любила смотреть на Меридор с моря, подальше от земли. Скалистый берег, плотно уставленный домами, круто поднимался вверх. А на самом верху среди высоких сосен стоял наш замок.

Над парадным входом был высечен девиз: «Vis et vir» – сила и мужество. Буквы давно почернели от времени и с трудом читались, но они отпечатались в моем сердце, как и в сердцах всех моих предков, живших здесь на протяжении восьми поколений.

Первый д'Аранкур появился в этих краях в 1420 году. Герцог Бретонский Жан V де Монфор в награду за преданность и доблесть сделал Симона д'Аранкура бароном и отдал ему Меридор – небольшое владение на побережье возле границы между Бретанью и Нормандией. Симон построил новый замок на месте старого, полуразрушенного, и заложил церковь, достраивал которую уже его сын.

В нашем роду было много военных, причем известных. Мой прадед, генерал, отличился в войне за испанское наследство. А дядя Симон, старший папин брат, стал героем Семилетней войны. Он служил в Индии, был смертельно ранен при осаде Мадраса и умер на руках у Гастона.

Дед очень любил своего первенца, гордился им и возлагал на него большие надежды. Так что гибель старшего сына его буквально подкосила. Он умер через месяц после получения этого печального известия, и бароном стал мой отец. Из-за этого папе пришлось бросить учебу в Ренне и вернуться в Меридор, чтобы управлять поместьем.

Еще у папы была старшая сестра София. В детстве они с отцом были очень дружны и оба увлекались историей. Правда, если папу больше интересовали английские корни нашего рода, то тетю Софию в первую очередь волновало, правда ли, что Симон д'Аранкур был внебрачным сыном Жана де Монфора. К тому времени, как отец стал бароном, тетя София уже вышла замуж за английского дипломата и уехала с ним в Англию.

С тех пор брат с сестрой больше не виделись. Зато они довольно часто переписывались. Точнее так: тетя писала нам довольно часто.

Отец занимался поместьем, а в свободное время продолжал свои исторические и генеалогические исследования. Мама очень хотела подарить ему сына и наследника, но у них почему-то родилась я. Она умерла, когда мне было всего два года, и я совсем ее не помнила. Так что весь мир для меня заключался в отце и Меридоре.

Здесь был мой дом. Небольшой, очень старый, в котором каждый из предыдущих владельцев считал своим долгом что-нибудь перестроить. Я знала в нем каждый камень, каждую ступеньку и не хотела, чтобы тут что-нибудь менялось.

Я показывала Меридор Франсуа, и меня распирало от гордости. Мы бродили с ним по лесу, посидели в розовой беседке. Сначала Франсуа держался несколько натянуто, был учтив, но слишком... официален, что ли. Но потом он расслабился, забыл про аристократичные манеры, и вот мы уже ползали в пещере, выходящей к самому берегу. А потом прыгали с одного огромного валуна на другой. И перемазались в иле. И оба порвали панталоны: он на коленке, а я... В общем, сзади.

Я показала Франсуа нашу церковь Святой Девы Марии, очень красивую, с цветными витражами. Отец Жильбер, старенький, почти совсем ослепший, крестивший еще моего папу, угостил нас лимонадом и ореховым печеньем. Он посидел с нами немного и ушел готовиться к завтрашней службе.

Я налила себе третий бокал лимонада и предложила Франсуа:

– Хочешь еще? Здесь как раз немножко осталось.

– Нет, спасибо. Больше не могу.

Заходящее солнце, проникая сквозь витражи, окрашивало все вокруг в разные цвета. И казалось, что лики Святой Девы, бывшие здесь повсюду, волшебным образом светятся. Было тихо и удивительно спокойно.

– Спасибо тебе, – сказал Франсуа.

Он был очень серьезен.

– За что? – удивилась я.

– За этот день. Он... – Франсуа замаялся. – Он так не похож на мои обычные дни. Тебе надо увидеть Комбург, чтобы понять меня.

– А какой он, Комбург?

Я дожевывала последнее печенье и смотрела на своего друга. А он печально смотрел куда-то вдаль.

– Совсем не похож на Меридор. Здесь у вас столько света и воздуха, столько свободы... Нет, я, конечно, очень люблю Комбург. Просто он слишком мрачный. Не знаю, понравилось бы тебе там. Хотя... – Франсуа оживился. – Там есть кое-что, что наверняка бы тебя заинтересовало. Например, коллекция старинного оружия и галерея портретов французских королей, начиная с Франциска I.

– Ух, ты! Вот бы посмотреть на картины! И попробовать оружие!

Я схватила невидимую шпагу и принялась наносить удары невидимому противнику. На четвертом выпаде шпага случайно задела графин с лимонадом. Графин удалось спасти, а вот его содержимое – нет.

– Жанна! Ты невозможна! Ты просто катастрофа! Лучше б я его выпил!

Франсуа смеялся, безуспешно пытаясь стряхнуть с панталон лимонад, и я смеялась вместе с ним. Хорошо, что он развеселился. Не могу видеть его грустным.

– Думаю, мне пора, – он снова посерьезнел. – Не знаю, когда мы теперь увидимся. Я буду писать тебе. Можно?

– Конечно, можно! Я тоже буду писать. Правда, не знаю, о чем. Я никогда никому не писала писем.

– Обо всем, что тебе интересно. Об играх, в которые вы будете играть. О книгах, которые ты будешь читать. О море. О Малыше. Обо всем. Договорились?

– Договорились.
Он подал мне руку, и мы направились к дому.

Глава 4

1792 год, август

Я сидела на огромном валуне, обхватив колени руками, и смотрела вдаль, туда, где море сливается с небом. Кричали чайки. Пригревало солнышко. Было так тихо и спокойно, что совсем не хотелось думать. Ни о чем. Хотелось забыться, хоть на час. Не вспоминать, не мучиться.

Шел четвертый год революции. Мир перевернулся.

Мы уже не содрогались при известии о чьей-то смерти. Вокруг полыхали пожарища. И только Меридор еще оставался маленьким островком мира и порядка. Но не покоя. О нет! Покоя не было ни днем, ни ночью.

Я закрыла глаза и подставила лицо еще не жарким солнечным лучам. Скоро начнется утренний прилив, и мне придется вернуться домой. Но пока еще можно посидеть в одиночестве, отрешившись от всех бед и забот, представляя себя маленькой девочкой, папиной дочкой.

Интересно, когда закончилось мое детство?

Может, тогда, когда однажды отец, еще даже не пожилой человек, захотел подняться с постели, но не смог – отнялись ноги. И мне, четырнадцатилетней, пришлось вместо него объезжать арендаторов, заниматься починкой прохудившейся церковной крыши и самой вести хозяйство. Не стало времени для игр. Пришлось всерьез учиться разбираться в правилах севооборота, кормовых травах и прочих столь же романтических вещах.

А может, тогда, когда в пятнадцать лет ко мне впервые посватались. И причиной тому была вовсе не моя неземная красота.

То, что я не красавица и никогда ею не стану, я поняла достаточно рано. Увы, папа ошибся. От мамы мне достались только глаза – большие, в минуту изумления становившиеся просто огромными. «Они у тебя круглые, как у испуганной мыши» – бывало, смеялся надо мной Жером.

Иногда по утрам я подходила к зеркалу в надежде, что ночью произошло чудо, и я наконец-то стала другой. Но из зеркала на меня глядело все то же лицо: не прекрасное, но и не уродливое. Обыкновенное.

Фигура не становилась более женственной. Да, конечно, с возрастом у меня появилась грудь. Я округлилась в положенных местах, но все равно оставалась угловатой, как подросток. В мужской одежде, а другую я почти не носила вне дома, меня никто из посторонних не принимал за девушку.

Оставалась последняя надежда, что когда-нибудь мои волосы станут длинными настолько, что я смогу называть их волной или гривой. Но пока, стоило им отрасти до плеч, как они становились совершенно неуправляемыми, переставали расчесываться и постоянно лезли в глаза и рот.

Тогда Матильда, горько причитая, брала в руки ножницы и состригала мои буйные кудри. Разумеется, рядом всегда оказывался Жером и, утешая меня, говорил что-то жалостливое о бедных овечках.

Так что, когда господин Пишо в изысканных выражениях заговорил со мной о моей небесной красоте, я сразу поняла, что речь идет о земле.

Предприимчивый и удачливый делец, успешно совмещавший адвокатскую практику и морскую торговлю, прикупил по соседству с нами небольшое поместье. То ли для полного счастья ему не хватало дочки захудалого, но все же барона с древним именем, то ли наш лес, клином врезавшийся в его земли и буквально кишевший всякой живностью, показался привлекательным ярму охотнику.

Отец, всегда отличавшийся здоровым чувством юмора и не потерявший его даже из-за болезни, оставил решение вопроса за мной и позволил упитанному господину Пишо поговорить со мной и открыться в своих истинных чувствах. Однако мне было не до смеха. Избавиться от настойчивого поклонника оказалось не так-то просто.

Господин Пишо взял за правило делать мне предложение каждые полгода – весной и осенью. Я уже не вздрагивала при его появлении, но прикидываться маленькой девочкой, не готовой к принятию столь ответственного решения, мне становилось все труднее.

Последний раз господин Пишо посетил нас с официальным предложением в марте 1789 года. Я в очередной раз отказала ему, и мы расстались если и не врагами, то уж никак не добрыми соседями.

Не могу сказать, что мне не хотелось замуж. Конечно, как всякая нормальная женщина, я хотела бы семью, любящего мужа и кучу детей. Но, к сожалению, влюбленные поклонники не выстраивались в очередь, добиваясь моей благосклонности. Мне просто негде и некогда было с ними знакомиться.

Три года подряд, до самой своей болезни, отец звал меня с собой к маркизу на всякие сборы и ассамблеи, но я наотрез отказывалась. Унижение, испытанное однажды, было слишком сильным, и мне совершенно не хотелось пережить подобное снова.

Конечно же, я ездила к крестному в гости, и не раз. И даже оставалась в Троншуа на месяц-другой, вдоволь облазив окрестные леса. Но только тогда, когда кроме меня в замке не было других гостей.

Была еще одна причина, по которой я и не помышляла о замужестве. Я совершенно не представляла себе, как смогу покинуть отца, особенно в теперешнем его положении.

Поэтому я старалась поменьше мечтать и побольше работать.

Жили мы очень замкнуто. Кроме Матильды, командовавшей на кухне, и Жерома, помогавшего Гастону на конюшне и по хозяйству, с нами в замке жили еще только двое: Альфонс и Катрин. Альфонс – это камердинер отца, низкорослый и жилистый, постоянно отстаивающий от посягательств Матильды свое главенствующее положение в доме. Он опекал отца, как любящая мать своего ребенка, и лучшего помощника мне было не найти.

А Катрин я забрала к себе после того, как умерла от воспаления легких их с Пьером мать. Пьер остался с отцом, и сейчас это был лучший кузнец в округе, такой же мощный и мускулистый, как его отец, только моложе и сильнее. А Катрин, давнишняя подружка, стала моей компаньонкой и помощницей во всех домашних делах.

Она была моя полная противоположность – пухленькая и очень женственная, отрада для глаз Матильды, которая, отчаявшись откормить меня и Жерома, с удовольствием переключилась на Катрин.

Жером вымахал настоящим верзилой. Стройный, широкоплечий – красавец, глаз не оторвать. Из него и Катрин могла бы получиться отличная пара, если бы не одно «но»: Катрин тосковала по Роберу, а Робер тосковал по морю. Такой вот треугольник. Но Матильда не теряла надежды, что все еще устроится, и ее детки (мы все были ее детками) будут счастливы.

Честно говоря, у Катрин не было никаких шансов. Ибо наш Робер, правнук и тезка знаменитого корсара Робера Сюркуфа, грезил только о море. Родители хотели сделать из него порядочного буржуа, но у них ничего не вышло. Ему было всего лишь пятнадцать, когда четыре года назад, в 1789, он записался добровольцем на корабль с красивым названием «Аврора» и уплыл в Индийский океан в поисках приключений.

Через три года он вернулся, возмужавший и набравшийся опыта, и уговорил родственников купить небольшой бриг и сделать его капитаном. Так что в настоящий момент его новый корабль «Креол» стоял в гавани Сен-Мало и готовился к отплытию.

Робер набирал команду, запасал провизию и время от времени заглядывал к нам на огонек. Мы с удовольствием слушали его рассказы о морских приключениях, а Катрин, затаив дыхание и приоткрыв рот, не сводила глаз со своего кумира.

* * *

В апреле 1789 года к нам приехали дорогие гости – мой крестный и его друг и командир маркиз де Ла Файетт. В малой гостиной, куда все перебрались после обеда, я забилась в самый дальний уголок и притворилась целиком поглощенной вышиванием, а сама во все глаза смотрела на живую легенду.

Де Ла Файетт был оживлен и с большим воодушевлением говорил о целях и задачах открывавшихся в мае Генеральных Штатов, о необходимости реформ и о том, что грядущие перемены должны коснуться всех слоев общества. Отец, прикованный к инвалидному креслу, но не потерявший остроты ума и прозорливости, вставлял критические замечания, а крестный с улыбкой слушал их обоих.

Воодушевление де Ла Файетта было заразительным. Я как губка впитывала слова маркиза и досадовала на отца за его скептицизм и пессимистические прогнозы. Мне было стыдно, что я так мало читала и так мало понимала в том, что обсуждали эти умные и образованные мужчины. Они говорили о физиократах и энциклопедистах, цитировали Мабли и Морелли. И примерно через час после начала дискуссии я дала себе клятвенное обещание дочитать, наконец, многострадальное «Письмо слепым в назидание зрячим» Дидро.

Нет, я, конечно, не была совсем уж невежественной – читала и Вольтера, и Руссо. Помня обещание, данное Франсуа, я прошлым летом одолела, наконец, Монтескье, «О духе законов». Но все же, все теории и философские рассуждения очень быстро отступали перед необходимостью делать ежедневную работу и забывались.

Если честно, мне было не до высоких идей. Со временем папа совсем устранился от текущих забот, и я все делала сама. А отец полностью переключился на то, что всегда любил больше экспериментов в сельском хозяйстве – на историю.

Его интересовало многое: и исход бриттов на континент, и зарождение бретонского самосознания. В настоящий момент он работал над документами, описывающими возвращение в Бретань после долгого отсутствия Алана Барбеторта, крестника аглосаксонского короля Ательстана.

Вместе с Барбетортом в Бретань из Англии приехал и Аранкур, наш предок. Это было в 937 году от Рождества Христова.

* * *

Уже поздно вечером, когда гости уехали, и мы с отцом остались одни, я спросила его, откуда у него такой скептицизм и неверие в возможность реформ.

– Ах, девочка моя, – сказал папа, – совсем наоборот. Я знаю, что перемены назрели. Более того, они неизбежны. Просто я совсем не уверен, что это будут перемены к лучшему. Ла Файетт всерьез полагает, что ему удастся наложить новые демократические свободы, так успешно отвоеванные им в Америке, на старую систему, которую он менять не намерен. Какая наивность! Он не догадывается, что волна, которую поднимают он и горстка таких же прекраснодушных философов, смоем все на своем пути, в том числе и тех, кто ее поднял.

* * *

Дальнейшие события показали, насколько отец был прав.

Очень скоро по всей Франции начались беспорядки и волнения, быстро переросшие в восстания. Крестьяне, доведенные нищетой до отчаяния, грабили и разрушали замки, сжигали архивы, отказывались платить налоги и принуждали сеньоров соглашаться с полным отказом от всех своих прав и рент. Тех же, кто упорствовал, убивали. Это было время «Великого страха».

Однажды завертевшись, огромная машина уже не могла остановиться. События мелькали с калейдоскопической быстротой: отмена сословных привилегий, гражданское переустройство церкви, национализация церковных земель и имущества эмигрантов, отмена феодального наследственного права и, как апофеоз всего, свержение монархии.

Бедная Франция! Она, как чудовище из сказки, отчаянно пыталась избавиться от старой ненавистной шкуры. Однако вместо прекрасного принца на свет появлялся еще более страшный монстр. Может, и билось в его груди любящее сердце, да вот только руки были по локоть в крови.

Лишь со временем «элитарные революционеры Просвещения», мечтавшие о совмещении монархии и порядка со свободой и торжеством демократических начал, наконец-то осознали, что упразднение наследственного дворянства неизбежно привело к «упразднению» самих дворян.

Одни смирились и пытались приспособиться к новым условиям. Другие эмигрировали и издали оплакивали свою прошлую жизнь и горькую судьбу. Третьи плели заговоры, подготавливая роялистский переворот и вторжение войск контрреволюционной коалиции.

Ну а мы – мы просто пытались выжить, наивно надеясь, что буря, разящая все вокруг, все-таки обойдет нас стороной. Силы, в соответствии с нашим древним девизом, еще оставались, а вот мужество, честно говоря, было уже на исходе.

Не могу сказать точно, почему до сих пор наши крестьяне сохраняли лояльность.

Может, потому что они не голодали – нас всех кормило море. Кроме того, барон, не охотившийся сам, не запрещал другим охотиться в своем лесу. Да и поля наши, обрабатываемые в соответствии с последними достижениями сельскохозяйственной науки, давали достаточно зерна и кормовых трав (кстати, картофель мы начали выращивать первыми в округе).

А может, еще и потому, что скромность и непритязательность обитателей замка Меридор не давали повода упрекнуть их в роскоши и расточительстве. Ну не были мы ни тиранами, ни кровопийцами!

Как бы то ни было, мы продолжали жить, с тревогой встречая каждый новый день. Жизнь человеческая ничего не стоила. Достаточно было малейшего подозрения не то что в причастности в контрреволюционном заговоре, а даже только в сочувствии к роялистам.

С ужасом узнали мы, что замок Комбург превращен в казенную крепость, а его хозяева, граф и графиня де Шатобриан, отправлены на эшафот. Я не могла без слез думать о том, как бедный Франсуа, младший брат погибшего, воспримет это известие.

Милый мой друг, мы так давно с ним не виделись! Последняя наша встреча состоялась весной 1786 года. Вскоре после этого он записался младшим лейтенантом в Наваррский полк, отвергнув карьеру как флотского офицера, так и клирика.

Мы продолжали переписываться.

Поначалу его письма излучали оптимизм и жизнерадостность. В восторженных выражениях он описывал блеск королевского двора, доступ к которому получил благодаря древнему имени и многочисленным связям своего семейства.

Но со временем настроение Франсуа начало меняться. Его стали раздражать чудовищная роскошь, пустые забавы и бессмысленное времяпрепровождение. Светские салоны, которые он посещал, оказались заполнены пустоголовыми велеречивыми болтунами и жеманными сплетницами. Он стал тяготиться великосветским обществом и сблизился с литературными кругами. В своем последнем письме он писал, что литературное творчество привлекает его все больше и больше, и даже намекал, что приступил к созданию некоего шедевра.

А потом наступил 1789 год, и наша переписка прервалась. Я не знала, что с ним, где он. И жив ли вообще.

* * *

Я отсидела все части тела, какие у меня были, но уходить с валуна так не хотелось. Решив, что, раз больше нет сил сидеть, тогда можно полежать, я растянулась во весь рост. Камень приятно грел спину, я снова закрыла глаза и в который раз попыталась освободиться от мыслей вообще. Безрезультатно. Перед глазами немедленно возник образ того, о ком я думала тысячу раз, безумно устала думать, но не думать не могла.

Жером.

Высокий, сильный, красивый. В синей форме с красной выпушкой.

Матильду чуть удар не хватил, когда она узнала, что ее сын записался в Национальную гвардию. Это произошло нынешней весной, в апреле, когда началась война с Австрией.

Я вспоминала, как он отсутствовал весь день и появился только поздно вечером. Сразу ушел в свою комнату, отказавшись ужинать. А потом, примерно через час, пришел к нам с отцом в гостиную. Папа читал, я занималась штопкой, а Матильда с Катрин чистили серебро.

Жером подошел к барону и встал перед ним на колени. Это было так дико! Отец выронил книгу, а Матильда ложку.

– Простите меня, крестный, – голос Жерома дрожал, а лицо выражало одновременно упрямство и отчаяние.

– Господь милосердный, что ты натворил? – отец так сильно схватился за подлокотники кресла, что костяшки его пальцев побелели.

Жером опустил голову, но потом справился с волнением и взглянул ему прямо в лицо.

– Я сегодня был в Сен-Мало. Там на площади возле ратуши записывали в гвардию.

Отец побледнел, Матильда покраснела.

– Я записался. Солдатом.

Тут я так больно уколола палец, что выступила кровь. А Матильда что-то прохрипела и рухнула на пол. Собственно на этом разговор и закончился. Отец ушел в себя и молчал весь остаток дня. Жером перенес мать на постель, и мы с Катрин привели ее в чувство.

Она обвела нас мутными глазами, затем ее взгляд остановился на сыне и стал более осмысленным. Через секунду она все вспомнила и заплакала. Не заголосила, не принялась причитать, просто закрыла глаза, из которых все текли и текли слезы.

– Оставьте нас, – попросил Жером.

И мы с Катрин молча вышли.

Ночью мне не спалось. Я проворочалась в постели какое-то время, а потом оделась и пошла туда, где мне всегда было хорошо – на конюшню.

Сонный Малыш встретил меня тихим ржаньем. Я обняла его за шею и уткнулась носом в теплую шкуру. Мое сокровище. Маленький сорванец вырос в рослого красавца. Характер у него был не сахар, как и у его мамы. Кроме меня он подпускал к себе только Гастона и Жерома.

Я вздохнула.

– Скоро ты будешь подпускать только меня и Гастона.

Малыш затряс головой, соглашаясь с услышанным. Матильда называла его дьяволом и боялась, как огня, поскольку наглец норовил укунить ее за зад всякий раз, как она оказывалась в пределах досягаемости.

– Хулиган, – я любовно погладила его по щеке. Малыш счастливо выдохнул и положил голову мне на плечо.

– Жанна, ты здесь?

Я оглянулась и в дверном проеме увидела высокий черный силуэт.

– Я знаю, ты здесь. Выходи. Ну, хоть ты-то от меня не прячься!

Снова вздохнув, я на прощанье еще раз погладила Малыша и вышла наружу.

– Пожалуйста, поговори со мной, – сказал Жером жалобно и как-то по-детски.

– Хорошо. Пойдем.

Я взяла его за руку, как делала всю жизнь, хоть он и выше меня на голову, и повела в розовую беседку.

Мы сидели и молчали. А потом его словно прорвало, и он заговорил. Говорил он долго, сначала с трудом подбирая слова и как будто оправдываясь, а потом все уверенней и уверенней. Я слушала его голос и ясно представляла себе его лицо, плохо различимое в темноте. В его словах слышалась такая страсть, такая убежденность в своей правоте.

– Ну, что ты молчишь? Ты презираешь меня?

– Дурачок! – я нашла в темноте его руку и крепко сжала. – Конечно, нет. И не осуждаю. Более того, скажу честно – я тебя понимаю.

– Рыжая, ты лучше всех! Я знал, что ты поймешь! Как же я тебя люблю!

Он схватил меня и прижал к себе так сильно, что у меня в боку что-то хрустнуло. Я слабо пискнула, и Жером немедленно разжал руки.

– Прости, мышка!

– Прощаю, но за «рыжую» ответишь! – и я принялась его лупить по всему, что попадало под руки. – Я не рыжая, сколько тебе объяснять! Я каштановая!

Жером смеялся и отбивался. А потом мы, устав, просто сидели, взявшись за руки, и молчали. Да и что тут говорить. Я понимала своего молочного брата и только удивлялась, как же он ждал так долго. Конечно, не мог такой умный, сильный и уже взрослый мужчина всю жизнь прозябать на нашей конюшне. Но до революции у него не было никаких шансов продвинуться на военной службе – не дворянин, он всю жизнь оставался бы солдатом. А сейчас с его талантами он обязательно проявит себя.

Я хмыкнула, вспоминая наши детские игры в войну.

– Чему ты улыбаешься? – Жером легонько толкнул меня плечом.

– Да так... А помнишь, как мы сражались на пустыре за оврагом? Я была Вашингтоном, а ты Корнуоллисом.

– Да уж. Такое забудешь! – он немного помолчал, а потом добавил. – Знаешь, я думаю, что если бы мы сражались на самом деле, ты меня и тогда бы точно разбила. Это тебе, а не мне надо в гвардию.

Мне оставалось только посмеяться. Это, конечно, было лестно, но все же не соответствовало действительности. У Жерома был талант, военный талант. И я помолилась про себя, чтобы мы никогда не оказались настоящими противниками. И чтобы он остался жив.

Уже светало, потянулся утренний туман, и мне стало зябко. Мы пошли домой, и я опять вела его за руку, как в детстве.

А на следующий день он уехал.

С бароном он попрощался в библиотеке. О чем они говорили, я так и не узнала. Папа не хотел отвечать на расспросы, а я не настаивала.

Матильда разом постарела. Теперь она могла подолгу сидеть, глядя куда-то вдаль, и молчать. И ее совсем не беспокоило, что Альфонс потихоньку забрал в свои руки всю власть в доме. Правда, на кухню он все же предпочитал не соваться.

Иногда до нас доходили сведения об успехах Жерома. Изредка появлялся и он сам. Его надежды на отправку на северо-восточный фронт не оправдались – полк, в котором он служил, остался в Бретани. Это не помешало ему быстро выдвинуться. Он проявил себя с лучшей стороны, конвоируя в Париж хлебные караваны, и через три месяца уже был сержантом.

Я молилась за него каждый день.

* * *

Начался прилив. Подобравшаяся вода уже окружила валун, на котором я так удобно устроилась. Пора было возвращаться. Малыш меня, наверное, заждался. Как бы ни было трудно, как бы я ни уставала, при любой погоде мы катались каждый день.

Закатав штанины до колен, я прыгнула в воду и побрела к берегу.

Балансируя на одной ноге и пытаясь другую вытереть о штаны, краем глаза я заметила слева от себя какое-то движение. А потом услышала стон и резко повернулась в ту сторону, откуда доносились звуки.

Неподалеку от меня наполовину в воде лежал человек, лицом вниз. Вот он снова пошевелился и застонал. Похоже, он был ранен и без сознания. Вода прибывала, и если я не собиралась наблюдать, как он тонет, то, значит, должна была оттащить его подальше от воды.

Это оказалось проще решить, чем сделать. Я в жизни не поднимала такой тяжести, но все же кое-как доволокла его до суши и рухнула на песок передохнуть.

Так, нужно подумать.

Одежда обычная. Грязная. Похож на рыбака. Или моряка. Ранен – его рубаха в крови. Он может быть кем угодно – как другом, так и врагом. В любом случае я не собираюсь, да и не смогу, при всем желании, тащить его в дом. Но и бросить его здесь, раненого, тоже не могу. Для начала его нужно перенести в безопасное место.

Я поднялась на ноги и потащила его в неглубокую пещеру поблизости. Там мы в детстве прятали сокровища и играли в пиратов. А потом быстро пошла домой, стараясь никому не попасться на глаза.

Мне повезло пробраться в дом, никем не замеченной. Я переделалась, убрав подальше грязную и окровавленную одежду. Потом отстираю. Раненого нужно было перевязать, поэтому я разрешила на бинты старую простыню и пошла на кухню за Матильдиным снадобьем.

На кухне было жарко – Матильда пекла пироги, а Катрин ей помогала. Гастон, восседавший во главе огромного стола, снимал пробу и давал советы.

Я сняла с полки корзинку и уложила в нее бинты. Затем завернула в бумагу два больших куска яблочного пирога и несколько пирожков с капустой, достала бутыл с сидром, в другую бутыл набрала чистой воды и все это тоже убрала в корзинку.

Гастон жевал и молча наблюдал за моими действиями. А мне оставалось сделать последнее.

– Матильда, а где твоя целебная мазь?

– Какая мазь? От судорог, что ли? – она подняла голову и отерла пот со лба, перемазавшись мукой.

– Нет, вонючая такая. Ну, которой ты мне коленку мазала, когда я упала и поранилась.

– О Господи! Ты что, опять расшиблась? – Матильда вытерла руки о передник и направилась к буфету.

– Да нет же, успокойся, со мной все в порядке. Это для Малыша, – я забрала у нее пузырек и двинулась к выходу. Не хватало еще объясняться.

Гастон перехватил меня в дверях и загородил собой дверной проем.

– Что здесь происходит? Куда это ты собралась?

Старый солдат всегда на посту! Я нырнула ему под руку и, обернувшись, послала воздушный поцелуй.

– Не волнуйся, я скоро вернусь!

* * *

Он лежал там же, где я его оставила, и, похоже, в том же положении. Совсем плох, бедняга. Я поставила корзинку на камень и достала из нее воду и кусок простыни. Сначала нужно промыть раны.

Беглый осмотр показал, что ран, заслуживающих внимания, всего две. Мелкие царапины не в счет.

Левый рукав его рубахи был весь в крови. Запекшаяся кровь вперемишку с клочками ткани присохла к коже и мешала оценить серьезность ранения. Я сглотнула подступивший к горлу комок и полила водой на его предплечье.

Разорвать отмокший рукав я так и не смогла, поэтому пришлось его просто отрезать, благо у меня всегда с собой нож. После промывания выяснилось, что рана длинная и глубокая, но по счастью чистая. Вероятно, беднягу полоснули ножом сверху вниз, так как порез шел наискось от плеча почти до локтя. Оставалось надеяться, что не повреждено сухожилие. Конечно, края раны покраснели и опухли, но все же было не похоже, что началось воспаление. Я осторожно нанесла мазь и плотно забинтовала руку.

Если эта рана не опасна для жизни, то тогда почему он до сих пор без сознания? Неужели из-за удара по голове? В том, что был удар, сомневаться не приходилось: на правом виске под коркой из волос и засохшей крови я нащупала здоровенную шишку. Слава Богу, что ему не раскроили череп! Тут я была бы бессильна. Все, что я могла сейчас сделать, так это только промыть и смазать ссадину.

Закончив работу, я села, вытерла руки и, поколебавшись, вытянула из корзинки пирожок. Если у него сотрясение мозга, то проголодается он нескоро, а мне нужно подкрепиться. Я жевала и в задумчивости разглядывала своего подопечного.

Трудно сказать, сколько ему лет, но он старше меня – это явно. Лицо обыкновенное, без особых примет. Попроси описать такое – не сразу и слова подберешь.

Так, рассмотрим поближе.

Губы плотно сжаты: даже будучи без сознания он не может расслабиться. Под правым глазом растекается синяк. Это, наверно, последствия удара по голове. Волосы темные и абсолютно прямые. Ресницы загибаются, как у девчонки. Интересно, какого цвета у него глаза?

А вот что мне действительно понравилось, так это его нос – тонкий, идеальной формы. Признаться, у меня слабость к красивым носам.

Теперь руки. Не очень-то они похожи на руки моряка или рыбака. Даже ссадины и грязь под ногтями не могли скрыть то, что их обладатель не привычен к тяжелому каждодневному труду.

Кто же это такой? Шпион? Но чей?

Мне было не под силу разгадать эту загадку, да и времени не было. Пора возвращаться домой. Малыш уже, наверно, разнес свое стойло в щепки.

Я решила вернуться сюда вечером вместе с Гастоном. Если раненый не придет в себя, то мы под покровом темноты перенесем его в дом. Это, конечно, опасно, но не бросать же его здесь!

Корзинку с провизией и бинтами я отставила подальше, на тот случай, если он, очнувшись, сделает неловкое движение. Пока же он лежал тихо и, казалось, просто спал. Бросив на него последний взгляд, я вышла из пещеры и направилась домой.

* * *

Вернувшись, я первым делом нашла Гастона и отвела его на конюшню. Пока он седлал Малыша, я все ему рассказала. Старый вояка насупил брови и категорично заявил, что днем наведываться в пещеру слишком опасно – кто-нибудь и так уже мог заметить, что я дважды за утро ходила к морю. Мы договорились, что к наступлению темноты Гастон подготовит повозку, и мы, если нужно, заберем раненого в замок. Старик поворчал, но смирился, понимая, что другого выхода нет.

День тянулся невыразимо медленно. За разными делами я мысленно нет-нет, да возвращалась к утренним событиям. Как он там? А вдруг ему холодно? Я корила себя за то, что не догадалась прихватить с собой одеяло. А вдруг я пропустила какую-нибудь смертельную рану, и он там умирает, истекая кровью?

Моя главная проблема – чересчур богатое воображение. Это мне папа много раз говорил. Нужно было взять себя в руки, но я не могла: в голову лезли разные страшные мысли, а картины, встававшие перед глазами, были одна другой ужасней.

Катрин, обратив внимание на мой отсутствующий вид, несколько раз спрашивала, что со мной происходит. Объясняться было преждевременно, поэтому я только отмахивалась от расспросов. В конце концов, она обиделась и прекратила допытываться.

Наконец, сгустились сумерки, и я поспешила на конюшню. Гастон уже ждал меня. Он запряг повозку, накидал в нее немного сена и завалил его старыми мешками. Я взяла с собой два старых одеяла, лампу, еще бинтов и воды, папин мушкет и корзинку, полную провизии. На всякий случай.

Не спеша, стараясь не производить лишнего шума, окольным путем минуя деревню, мы двинулись к морю.

Отведя повозку с дороги, мы оставили ее в кустах возле обрыва и стали спускаться к пещере. Я шла первой, показывая путь. Гастон чертыхался, с трудом нащупывая еле видимую тропинку.

– Детка, не представляю, как мы его здесь потащим наверх!

Никого тащить не пришлось. Зайдя, наконец, в пещеру, я открутила фитилек лампы и обнаружила... Точнее, ничего не обнаружила. Ни бездыханного тела, истекшего кровью, ни моей корзинки. Вообще ничего. Как будто все произошедшее утром мне только приснилось.

Глава 5

Прошло две недели.

Внешне однообразные дни, заполненные повседневными делами и заботами, постепенно заслонили собой эти удивительные события. Хотя нет-нет, а все же иногда я думала, что с ним, жив ли он, и вообще – кто это был, черт его побери?

Каждый день приносил новости, одну тревожней другой.

С опозданием, но до нас все же доносились отголоски великих сражений. Прусские войска перешли границу, захватили Лонгви и окружили Верден. Париж лихорадочно готовился к обороне.

Опасаясь мятежа, парижская чернь ворвалась в тюрьмы и перебила огромное количество аристократов и не присягнувших священников. Страшная волна «сентябрьских убийств» прокатилась по всей Франции.

* * *

Во вторник 11-го сентября мы с Катрин и Гастоном поехали в Сен-Мало на ярмарку. Надо было кое-что прикупить, да и просто захотелось развеяться. Катрин по такому случаю нарядилась в свое лучшее платье. Я хотела, как обычно, надеть штаны и старую папину куртку, но Матильда и Альфонс, забыв былую вражду, объединенными усилиями уговорили меня одеться прилично.

Ходить по рынку в платье оказалось очень неудобно. Я ругалась вполголоса, цепляясь подолом за прилавки и тележки с овощами, а Гастон и Катрин посмеивались надо мной.

Мы быстро сделали все дела и решили напоследок прогуляться по набережной. Катрин застряла в лавке галантерейщика, выбирая себе ленту. Гастон остался у повозки, охраняя наши покупки. А я пошла вдоль набережной.

День был великолепный, солнечный. В гавани стояло множество кораблей, один прекраснее другого, и я пыталась угадать, который из них «Креол». Робер наметил на послезавтра отплытие и обещал приехать попрощаться.

Вокруг бурлила жизнь. Разгружались одни суда, загружались другие. Тут и там толпились иноземные моряки с резким гортанным говором, лодочники в шерстяных колпаках, крестьяне в куртках из козьей шерсти. Дородные торговки рыбой с корзинами на голове пронзительно кричали, расхваливая свой товар. Сновали водоносы, корабельные плотники и грузчики из доков.

Я вертела головой по сторонам, не глядя под ноги, и, споткнувшись, налетела на идущего мне навстречу человека в темном плаще. Мужчина ловко подхватил меня под руку, не дав упасть. А я с изумлением обнаружила перед собой маркиза де Ла Руэри и восторженно завопила:

– Крестный!

Смешанные чувства отразились на его лице. Тут была и откровенная радость от нашей встречи, и явная досада на мою несдержанность. Я смутилась, а он крепко сжал мой локоть.

– Жанна, Бога ради, тише! Не привлекай к нам внимания!

– Умоляю, простите меня! Но что Вы здесь делаете? И в таком виде?!

Под плащом у маркиза оказалась матросская роба.

– Девочка моя, я не могу сейчас с тобой разговаривать. Прости, но тебе опасно находиться рядом со мной.

Он снова сжал мою руку, оглянулся по сторонам и нырнул в толпу. А я осталась стоять столбом.

Вот так встреча! Я не видела крестного с тех самых пор, как он и маркиз де Ла Файетт приезжали к нам. Он похудел, осунулся, но не утратил ни царственной осанки, ни надменного вида. Ему и так-то трудно затеряться в толпе, а тут еще я со своими воплями. У меня даже слезы выступили от злости на свою глупость.

Ну конечно же, он скрывается! Господи, неужели я ему навредила?

Ужасно расстроенная, я развернулась и побрела к своим. Они уже потеряли меня. Катрин металась, заламывая руки, а Гастон, приставив ладонь козырьком ко лбу, высматривал меня в толпе.

Мой убитый вид вызвал у них самые худшие опасения.

– Жанна, где ты пропадала? Что случилось? Тебя обидели? Ограбили?!

– Господи, да кому я нужна! Успокойтесь. Ничего не случилось. Просто я заблудилась. Все, едем домой. Я устала.

Мы забрались в повозку и направились домой.

* * *

День был безвозвратно испорчен. Я до вечера промучилась, пытаюсь убедить себя, что никому не навредила, и что с крестным все будет хорошо.

Наступила ночь. Отец заснул с книгой в своем кресле. Я с хрустом потянулась и отставила корзинку со штопкой. Пора спать. Надо позвать Альфонса и перенести отца в спальню.

И в этот момент дверь распахнулась, и в гостиную вошел Жером. Я никогда не видела его таким взволнованным.

Папа сразу проснулся и выпрямился в своем кресле. У меня тоже сон как рукой сняло.

– Хорошо, что вы еще не спите!

– Боже, Жером, у тебя такое лицо! Что-то случилось?

– Мальчик мой, с тобой все в порядке? Ты не ранен?

Я вскочила со своего места и подбежала к нему.

– Не тратьте время на расспросы. Дорога каждая минута!

– Да объясни же, наконец, в чем дело!

Жером повернулся ко мне и взял мои руки в свои.

– Жанна, завтра за тобой придут! Тебя арестуют, понимаешь?

Я стояла, пытаюсь осмыслить услышанное.

На шум прибежала Катрин. Увидев, кто приехал, она помчалась за Матильдой. И вскоре все обитатели замка собрались в гостиной.

Все кричали, перебивая друг друга. И тут, перекрывая всеобщий гам, раздался голос Жерома:

– Тихо!

И стало тихо. Я машинально отметила про себя, что полгода службы не прошли впустую – тон у него был самый что ни на есть командирский.

– Рассказываю по порядку. Слушать и не перебивать. Вопросы потом. Ясно?

Он обвел всех суровым взглядом. Все молчали.

– Завтра Робер выходит в море. И сегодня его родственники организовали по этому случаю небольшое застолье. Он пригласил меня, и я пришел сразу, как освободился. К моему приходу большая часть гостей уже основательно набралась. Все говорили одновременно, и никто никого не слушал. Я подсел к краю стола. Рядом со мной сидел какой-то человек. Я так и не понял, кто он такой. Похоже, писарь, а может, и секретарь у окружного прокурора. Он уже окончательно напился и разговаривал сам с собой, сперва тихо, затем все громче, – тут Жером потер лоб, и я обратила внимание, как трясется его рука. – Поначалу я к нему не прислуши-

вался. Он что-то плел про тяжкий труд и нищенскую оплату. Я насторожился, лишь когда он упомянул маркиза де Ла Руэри. Но когда он назвал твое имя, я его чуть не прибил.

Жером сглотнул подступивший комок. Я стояла, не дыша.

– Из его слов я понял, что раскрыт контрреволюционный заговор, в котором замешан маркиз. А, может, маркиз возглавляет этот заговор, я не понял. Так вот, на днях был подписан приказ об аресте маркиза и его сообщников, и теперь их разыскивают. А сегодня эта канцелярская крыса получила новые указания и собственноручно написала еще один приказ. О твоём аресте, Жанна! Я не представляю, что могло произойти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.